

ИСМАИЛ БАЙХАНОВ,
председатель Избирательной
комиссии Чеченской Республики,
кандидат политических наук

СТОЛЫПИН И РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ

В 2012 году в России отмечается 150-летие Петра Аркадьевича Столыпина. Возможно, 150 лет – это именно тот срок, который необходим для того, чтобы при оценке роли той или иной исторической фигуры не только исчезли неизбежные искажения, появляющиеся с «легкой» руки некоторых современников, относящихся к крупным общественным и политическим деятелям, мягко говоря, предвзято, но и перестали волновать загадки, связанные с жизнью и смертью таких людей.

Это в полной мере относится к П.А. Столыпину, который и при жизни имел немало недоброжелателей, и после смерти оставил достаточное число загадок. В этом, кстати, проявилась похожесть его судьбы с судьбами многих реформаторов, как отечественных, так и зарубежных.

Еще одно немаловажное замечание. Гибель человека от рук убийцы всегда и во всяком обществе воспринимается как трагедия, отнюдь не личная, а социальная. Такой акт повсеместно был выражением болезни общества и болезни власти. Убийство реформатора может служить знаком того, что имеются те, кто считает, что поворот преобразований в обратную сторону способен вернуть стране необходимые силы. Следует заметить, что речь может идти об убийстве в прямом смысле слова, а может – об убийстве программы, политики реформ путем отставки реформатора, дискредитации его самого или сторонников. И восприятие такого хода событий подобно

убийству наступает, как правило, после долгих лет исканий эффективной модели развития и убеждения в том, что когда-то и кем-то такой путь был предложен.

В то же время, если вернуться к судьбам реформаторов во власти, то вряд ли можно обойти вниманием тот факт, что их политическое поведение по отношению к своим оппонентам было безупречным. Ведь как бы ни малочисленны были те, кто настаивает на отказе от реформ, то, что их аргументы не слышат власти, каждый раз заставляет обращать внимание на то, что не учитывается многообразие общественных взглядов и интересов. А такое многообразие есть условие политической конкуренции. Важно только, чтобы в политике, как, впрочем, и в других сферах, конкуренция проходила по правилам.

Есть и еще один значимый аспект обостренного внимания к роли А.П. Столыпина в российской истории. Как крупная политическая фигура он фокусировал все существенные процессы в жизни государства. А любой

политический фокус, как точка, в которой пересекаются идущие от различных политических процессов лучи, позволяет лучше, четче разглядеть общую картину. В российской империи начала XX столетия эта картина отражала высокую конфликтность социальных отношений.

Особенность ситуации заключалась в том, что свои основания для недовольства были практически у всех крупных социальных групп. Но к этому добавлялись проблемы, связанные с многонациональностью и многоконфессиональностью Российской империи. В таких условиях без взвешенной, продуманной национальной политики ни о какой модернизации (а потребность в ней ощущалась не менее остро чем сейчас) не могла идти речь. И, конечно же, такое время требовало реформаторов. П.А. Столыпин стал одним из них.

Через анализ государственной деятельности Столыпина мы можем выйти на ряд сквозных для российской политической истории тем. Поскольку таких

тем наберется достаточно много, в рамках статьи представляется целесообразным сосредоточиться лишь на проблемах становления российского парламентаризма.

Парламентаризм как система политической организации государства, при которой четко разграничены функции законодательных и исполнительных властей при значительном, а то и привилегированном положении парламента, складывается в западных странах в эпоху революций XVI-XVIII веков. Как система парламентаризм оформляется в Великобритании в XVIII веке, но во Франции утверждается лишь в 1870-х годах.

Россия столкнулась с задачей развития парламентаризма в начале XX века и его первый опыт связан с работой Государственной думы (1906 – 1917 гг.). Парламентаризм – сложное политическое явление. Его можно оценивать с позиций эффективности государственного управления. Возможен подход, позволяющий выявить специфику политической и партийной систем. Но не менее значимым представляется анализ влияния парламентаризма

на выработку соответствующей политической культуры.

У политической культуры много разных проявлений. Одно из них – умение учитывать позицию политического оппонента. Это умение приходит в процессе политической практики, хотя оно, безусловно, характеризует общий уровень воспитания личности. Оказалось, что в России на разгонном этапе XX столетия такой практики не было. Потому вопрос о том, насколько внимательно готов был прислушиваться к голосам оппонентов сам Столыпин, следует поставить для того, чтобы понять сущность политической культуры и шире – особенности политического климата в стране, мучительно ищущей свой путь между революцией и реформой.

Ответ на этот вопрос мы можем получить, вчитываясь в слова тех, кто с болью отозвался на убийство Столыпина 5(18) сентября 1911 года в Киеве. В речи в Петербургском клубе общественных деятелей 3 октября 1911 года лидер партии октябристов А.И. Гучков говорил: «Искренний сторонник народного пред-

ставительства, Столыпин в то же время был истинным демократом, так как полагал, что твердой основой государственных начал в народных массах должно быть обеспеченное, благоустроенное крестьянство. В этом направлении Столыпиным был проведен ряд серьезнейших мер»¹.

Русский религиозный философ, литературный критик и публицист В.В. Розанов в одной из своих статей рассуждал и о вкладе Столыпина в развитие российского парламентаризма: «Столыпин показал единственный возможный путь парламентаризма в России, которого ведь могло бы не быть очень долго, и может, даже никогда (теория славянофилов; взгляд Аксакова, Победоносцева, Достоевского, Толстого); он указал, что если парламентаризм будет у нас выражением народного духа и народного образа, то против него не найдется сильного протеста, и даже он станет многим и, наконец, всем дорог. Это – первое условие: народность его. Второе: парламентаризм должен вести постоянно вперед, он должен быть постоянным улучшением страны и всех дел в ней, мириад этих дел. Вот если он полетит на этих двух крыльях, он может лететь долго и далеко; но если изменить хотя бы одно крыло, он упадет. Россия решительно не вынесет парламентаризма ни как главы из «истории подражательности своей Западу», ни как расширение студенческой «Дубинушки» и «Гайда, братцы, вперед»... В двух последних случаях пошел бы вопрос о разгроме парламентаризма: и этого вулкана, который еще горяч под ногами, не нужно будить»².

¹ <http://stolypinpetr.narod.ru/Guchkov.htm>.

² Розанов В.В. Историческая роль Столыпина // Новое время. 1911. 8 октября.

Как видим, и А.И. Гучков, и В.В. Розанов отмечали, прежде всего, государственный характер действий Столыпина, в которых воплощалась идея народного представительства. Однако были и те современники Столыпина, кто указывал на то, что он не только допускал, но и способствовал тому, чтобы в сложных социальных условиях парламентские усилия носили иллюзорный характер.

Именно об этом писал С.Ю. Витте: «Галантный, обмазанный с головы до ног русским либерализмом, оратор школы русских губернских и земских собраний, который и совершил государственный переворот 3 июня, уничтожив выборный закон 17 октября, и введший новый закон 3 июня – закон, который очень прост с точки зрения принципов, положенных в его основу, ибо он основан только на таком простом принципе: «получить такую Думу, которая в большинстве своем, а следовательно, и в своем целом была бы послушна правительству. Думцы могут для блезира и говорить громкие либеральные речи, а, в

конце концов, сделают так, как прикажут»³.

Такая оценка Витте вполне соответствовала восприятию частью российского общества избирательной системы 1907 года. Система выборов по Положению о выборах в Государственную Думу от 3 июня 1907 года, которое было принято после роспуска II Думы, использовалась при выборах в думы III и IV созыва. Разработка нового избирательного закона велась в недрах Министерства внутренних дел, возглавляемого Столыпиным. Однако он не предпринимал каких-либо шагов по обнародованию материалов до конца весны 1907 года, когда стали проявляться результаты выборов во II Думу, где явно чувствовалось присутствие депутатов, представляющих революционно настроенные партии. Их позиция вела к ухудшению отношений между правительством и Думой.

После того, как стала ясной невозможность организовать рабочие отношения правительства с Думой, начались заседания правительства, посвящен-

ные обсуждению избирательного закона, причем в обстановке строжайшей секретности. Она была вполне оправдана, потому что заседания выявили различия позиций. Высказывались предложения изменить избирательный закон и объявить годовую отсрочку созыва новой Думы, распустить Думу и дальше действовать по ситуации, распустить Думу и назначить новые выборы по старому закону. Столыпин выступал за роспуск Думы, новый избирательный закон и немедленный созыв новой Думы.

Вместе с тем ситуация диктовала незамедлительное принятие закона. В этих целях к его обсуждению были привлечены члены Государственного Совета и бывшие министры, но и заседания в расширенном составе не привели к результату. И в этих условиях Столыпин должен был предложить императору Николаю II выбор из трех вариантов нового избирательного закона. Положение об избирательном законе было обнародовано утром 3 июня 1907 года. Но оно столь резко отличалось от предыду-

³ <http://stolypinpetr.narod.ru/Vitte.htm>.

щего порядка формирования Думы, что события получили оценку Третьеиюньского переворота.

Переворот состоял в том, что в новой избирательной системе в Думе было увеличено представительство землевладельцев, состоятельных горожан и русского населения по отношению к национальным меньшинствам. Безусловно, на этой основе в III и IV думах сформировалось проправительственное большинство. Это – с одной стороны. А с другой стороны, происходило снижение доверия населения не только к Думе, но и к правительству, возглавляемому Столыпиным.

Что в избирательном законе способствовало такому ходу событий? Во-первых, то, что выборы по Положению 1907 года были непрямыми, не предусматривавшими равного представительства и должны были проходить по куриальной системе, хотя официально курии именовались списками избирателей. Выделялись волостная (крестьянская), землевладельческая, 1-я городская (высший избирательный ценз), 2-я городская (низший избирательный ценз), рабочая курии. В некоторых местностях были выделены казачьи курии или разделены курии русских и нерусских избирателей. Другой особенностью было то, что выборы не имели партийного характера, так как не существовало официальных партийных списков. Поэтому все кандидаты в члены Думы формально считались самовыдвиженцами, в результате чего у них не было обязательств по присоединению в Думе к какой-либо фракции. Еще одной особенностью нового избирательного порядка

стало введение многоступенчатой системы выборов, что давало местным властям право на свое усмотрение организовывать избирательные съезды для избрания выборщиков для участия в губернском избирательном собрании, общем для всех курий. Кроме того, местные власти могли разделять съезды ценовых курий на разные съезды для более и менее состоятельных избирателей, выделять особый съезд для церквей и монастырей-землевладельцев, разделять русских и нерусских избирателей. Все это при том, что создавались условия проведения в Думу желательных правительству кандидатов, и это лишь усиливало непропорциональность представительства, а с этим и неизбежное недовольство правительством.

Подчеркну, что для разных территорий страны были установлены собственные порядки организации выборов. Например, для Кавказа избирательная система носила чрезвычайно запутанный характер. Было выделено 2 квотированных ман-

дата для казаков, 1 мандат для русского населения Закавказья, а для Бакинской, Елизаветпольской и Эриванской губерний совместно – 1 мандат для мусульман и 1 мандат для немусульман.

Естественно, такой порядок нельзя было назвать справедливым, как нельзя было таким же назвать и избирательное право, к обладателям которого предъявлялись специальные критерии, а многие жители Российской империи и вовсе были его лишены [иностранцы, лица моложе 25 лет, женщины, учащиеся, военные, состоящие на действительной службе, бродячие инородцы, все лица, признанные виновными в преступлениях, отрешенные от должности по суду (в течение 3 лет после отрешения), состоящие под судом и следствием, несостоятельные, состоящие под опекой (под опекой помимо малолетних состояли глухонемые, душевнобольные и признанные расточителями), лишенные духовного сана за пороки, исключенные из сословных обществ по их приговорам, а также губернаторы,

вице-губернаторы, градоначальники и их помощники (во вверенных им территориях) и полицейские (работающие в избирательном округе)]. Все это суживало социальную базу избирателей, а в итоге и социальную базу столь необходимых стране реформ.

Важно, анализируя политическую судьбу П.А. Столыпина, понимать, что принятие такой избирательной системы искажало не одну лишь социальную базу возможных преобразований в стране – не было необходимых условий для формирования полноценной партийной системы. Дело заключалось отнюдь не в отсутствии партийной привязанности кандидатов. Сама система не была настроена на четкое обозначение характеристик партийного спектра. В представительном органе оказались как депутаты, выражающие позиции сформировавшихся общероссийских партий с центральным управлением, согласованным с центром выдвижения кандидатов и определенной программой (Конституционно-демократическая партия, Союз 17 октября, РСДРП), так и объединенные общей политической ориентацией правые депутаты, не представлявшие единой партии.

Конечно, из-за наличия большого числа партий создавался определенный простор для формирования блоков. Однако потенциал блокировок усиливал неопределенность результатов принятия решений, что вызывало недоверие избирателей и ослабляло возможности правительства ориентироваться в настроениях депутатов.

И все же в стране создавалось правовое поле, в котором в ходе реформ могли развиваться так необходимые политические отношения. На это была направлена деятельность П.А. Столыпина. В таком смысле его можно относить не только к государственным деятелям, но и к просветителям, ведь помимо обычной грамоты существует грамота политическая. Хотя для многих территорий Российской империи в первое десятилетие XX века актуален был вопрос обучения населения в первую очередь элементарной грамотности. По понятным причинам значительная часть неграмотных проживала в районах с преобладанием нерусского населения. К таким районам относилась и Чечня. Об этом писал в своих воспоминаниях А.И. Микоян: «Если

не считать нескольких открытых при Советской власти школ в равнинной Чечне, остальные немногочисленные школы были религиозные, мусульманские, с преподаванием на малоизвестном для чеченцев арабском языке. Чеченский народ не имел своей письменности. В 1920 году среди чеченцев было менее одного процента грамотных»⁴.

В этом свете особый интерес вызывает фигура, которую можно назвать и просветителем, и реформатором, это депутат Российской Государственной Думы двух созывов Таштемир Эльдарханов⁵. Он родился 1 апреля 1870 года в селе Гехи, в семье крестьянина-середняка, закончил школу в Грозном, ремесленное училище во Владикавказе и Тифлисский учительский институт. В 1906 году Эльдарханов избирается депутатом I Государственной Думы. В выступлениях на сессиях II Думы уже проявился государственный масштаб его мышления.

После роспуска Думы Эльдарханов возвращается в Грозный, однако власти запрещают ему преподавание в школах Терской области, поэтому он был вынужден уехать в Баку, где работал в области просвещения вплоть до Фев-

⁴ Микоян А.И. Так было // <http://lib.rin.ru/doc/i/15541p1.html>.

⁵ РГАСПИ. Ф.64. оп. 1. д. 116. л.12. РГАСПИ. Ф.64. оп. 1. д. 116. л.12.

ральской революции 1917 года. После окончания гражданской войны Т. Эльдарханов избирается председателем ревкома Чечни, затем председателем Чеченского областного исполкома. Как он говорил, «Чечня представляла из себя одно разрушение, как будто Аттила с одного края до другого огнем и мечом прокатился по автономной Чечне»⁶.

Эльдарханов неоднократно обращался в центр с просьбой увеличить финансирование на образование в Чечне, указывая, что «вся урезка сметы в 1924 году как раз более всего коснулась этих отделов (образование, здравоохранение и сельское хозяйство): по образованию смета сокращена в 5 раз, по здравоохранению в 9 раз и по сельскому хозяйству в 3 и 1/3 раза»⁷. 6 января 1925 года на заседании IV сессии пленума ЧечоблЦИК Эльдарханов отмечал особую необходимость развития образования в присутствии секретаря бюро ЦК РКП(б) Микояна и председателя краевого исполкома Эйсмонта:

«Не следует забывать, что наша отсталость в школьном деле — не наша вина. Это результат разгула царских опричников, в собственных интересах державших народ сотни лет в темноте и невежестве. Революционный

чеченский народ вправе рассчитывать на более внимательное отношение к себе власти. И мы уверены, что она поможет нам победить темноту и неграмотность населения»⁸.

Через некоторое время Микоян констатировал «некоторые успехи: улучшилась культурная работа. Через год в Чечне

училось уже 1500 человек, началась работа по землеустройству, строительству небольших мостов, открывались врачебные и фельдшерские пункты... Выяснилось, что трудности в организации местных Советов

и связи с ними заключались в том, что все делопроизводство здесь до этого велось на русском языке, а хорошо знающих русский язык интеллигентов в Чечне было очень мало, во всяком случае, не хватало для того, чтобы занимать административные посты в советских органах. Другая часть интеллигенции знала арабскую школу, и духовенство настаивало на том, чтобы делопроизводство и культурная работа в Чечне проводились на арабском языке, который знали мусульмане. Однако подавляющая часть населения не знала ни арабского, ни русского языка. Вот почему мы добивались издания учебников на чеченском языке и организации курсов обучения чеченской письменности. Это дало свои плоды»⁹.

Кто-то может сказать, что этот опыт не имел прямого отношения к деятельности П.А. Столыпина, и будет неправ. Во-первых, Столыпиным были укреплены основы российской государственной традиции. И даже в той части традиции, которую мы относим к работе III Государственной Думы, важно видеть процесс выработки модели взаимодействия правительства и представительного органа. Во-вторых, опыт преобразований Столыпина в стране всегда был востребован теми, кому нужна великая Россия, а не великие потрясения.

⁶ Цит. по: Туркаев Х. Разящая стрела слова, романтическое состояние души // Вести республики. 2011. 4 августа. №141 (1574).

⁷ Туркаев Х. Указ. соч.

⁸ Там же.

⁹ Микоян А.И. Указ. соч.